

жением» Библии. Так-то оно так, но можно представить себе негодующую реакцию на это фанатиков, блюстителей чистоты веры, что от Танаха, что от Евангелия, что от священной книги мусульман.

Вот комментарий Карпенко к стихотворению «Магомет и Сафия»: «Бунин очень тонко передает чувства духовно-кровного родства пророка с ветхозаветным прошлым. Одиннадцатая жена Магомета Сафия жалуется ему, что ее все арабы дразнят “жидовкой”:

Магомет, с усмешкой и любовью глядя,
Отвечает кротко: “Ты скажи им, друг:
Авраам — отец мой, Моисей — мой дядя,
Магомет — супруг”».

И далее комментатор с полным правом высказывает одну из своих задушевных, должно быть, идей: *«Стихотворение “Магомет и Сафия” характерно для Бунина во многих отношениях: оно занимает одно из центральных мест в бунинской концепции единства всего человечества»*. Звучит весьма злободневно.

Чрезвычайно скрупулезно, демонстрируя предельную профессиональную искушенность, Карпенко иллюстрирует стихами свои порой вызывающе спорные утверждения. Он цитирует два четверостишия из раннего стихотворения «В костеле»:

Дивен мир твой! Расцветает
Он, тобой согрет.
В небесах твоих сияет
Солнца вечный свет.
Гимн природы животворный
Льется к небесам...
В ней твой храм нерукотворный,
Твой великий храм!

— и делает вывод: *«божественное место Иисуса Христа занято, оно отведено в творчестве Бунина Богу-отцу»* (выделено автором. — Т. Ж.).

Я не богослов, но остереглась бы делать такие глобальные выводы на основании нескольких поэтических строф. Ветхозаветный источник равно питает оба Завета. На протяжении трех веков русская поэзия вкладывала в понятие Бог нечто несоизмеримое с обыденным представлением. Скажем, у Державина есть и ода «Бог» и ода «Христос», причем вторая как бы вытекает из первой и одновременно впадает в нее, обе составляют две ипостаси Одного начала, одну Полноту. Видеть в Боге-отце и Боге-сыне соперников, слишком по-земному делить между ними места — по меньшей мере странно. Поэт, мне кажется, тут ни при чем.

Еще одно принципиальное возражение Геннадию Карпенко. Он пишет: *«Бунин, разделяя мысли русских писателей о кризисном состоянии мира (выше цитируется Вл. Соловьев с его упованием на Богоматерию и Богочеловека, призванных победить извращенную природу. — Т. Ж.), придерживался все же иной ориентации: мир и человек в нем нуждаются в первую очередь не в христианской нравственности, не в “посреднике”, не в усилиях богочеловека, а в ветхозаветном мироощущении. Образно говоря, освобождающееся земное*